

ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В 30–60-Е ГОДЫ XIX ВЕКА: КОЛЛИЗИИ И НЕУСТРОЙСТВА

Аннотация

В статье на примере деятельности фабрики С.В. Морозова в местечке Никольское (Покровский уезд, Владимирская губерния) раскрываются типичные для 30 – начала 60-х годов XIX века трудности формирования рынка свободной наемной рабочей силы текстильной промышленности. Автор использует архивные документы для анализа проблем взаимоотношений предпринимателей, наемных рабочих и уездных властей. Подтверждается вывод о том, что формирование рынка труда текстильной промышленности шло в условиях экономических, сословных и правовых ограничений.

Переход от мануфактурного производства к фабричному, от ручного труда к машинному представлял собой один из сложных этапов в истории отечественной экономики. В 30-е годы XIX века в рамках феодально-крепостнической системы в стране начался промышлен-

ный переворот, динамика которого выражалась в росте крупных промышленных предприятий и их техническом переоснащении. По оценкам исследователей, на начало XIX века в России насчитывалось 2 тысячи крупных предприятий, и на их техническое оснащение в 1830-е

МОРОВА Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета, Россия, г. Орехово-Зуево, email: umr@ggtu.ru, SPIN-код: 8457-4404.

Ключевые слова: текстильная промышленность, фабрика, наемные рабочие, паспорта, расчетные листы, земский суд, социально-трудовые конфликты.

DOI: 10.48137/23116412_2024_2_138

годы было затрачено 7 млн руб. К 1860-м годам стало более 15 тысяч фабрик и заводов, на приобретение машин в 1850-е годы затрачено 85 млн руб. [6, с. 80].

Вотчинные мануфактуры, использовавшие крепостной труд и имевшие низкую производительность, постепенно уступали место мануфактурам и фабрикам капиталистического типа. Лидером промышленного переоснащения и самой быстрорастущей отраслью капиталистического сектора стала российская хлопчатобумажная промышленность. С 1843 года в России ежегодно возникало по несколько бумагопрядильных фабрик, в конце 1843 года их насчитывалось 59, и они были оснащены 324 тыс. веретен, а в 1847 году – 64 фабрики с 765,3 тыс. веретен [7, с. 24].

Основой капиталистического производства в текстильной отрасли стала кустарная крестьянская промышленность, а промыслово-отходническая деятельность крестьян способствовала формированию рынка рабочей силы [2; 6].

Социальный состав наемных работников текстильных предприятий в России начала XIX века был достаточно однородным – это были выходцы из крестьянской среды. Однако трудовые коллективы текстильных фабрик не были стабильными. Государственно-правовое регулирование трудовых отношений в сфере промышленности находилось в зачаточном состоянии, поэтому в процессе развития отечественной текстильной отрасли проявился типичный спутник капиталистическо-

го производства – конфликты между предпринимателем и рабочими.

В тридцатилетие, предшествующее отмене крепостного права в России, причины, порождавшие конфликты владельцев фабрик с работниками, имели иную предпосылку, чем те, что оформились к концу XIX века. Они были тесно увязаны с сословными, экономическими и правовыми факторами, тормозившими формирование рынка свободной рабочей силы в 30-50-х годах XIX века.

Экономическое развитие ряда губерний Центрального промышленного района России в исследуемый период ярко показывает обозначенное отличие. Современная номенклатура научных исследований данной проблематики отличается наличием широкого спектра общих и частных, в том числе на региональном материале, исторических, экономических и социологических работ. Однако большинство из них ориентировано на изучение промышленного развития России и формирование рынка труда России во второй половине XIX – начале XX веков.

Цель настоящего исследования – на примере одного из крупнейших локальных центров текстильной промышленности России – Покровского уезда Владимирской губернии показать основной канал пополнения рынка рабочей силы фабричного производства и выявить трудности его комплектования в первой половине XIX века.

Географическая локация выбрана не случайно. Природно-кли-

матические условия определили промышленный профиль Владимирской губернии. Текстильная промышленность заняла в ней ведущее место. Именно она как наиболее перспективная и обеспечивающая быстрый доход привлекла набравшее силу с конца XVIII века гильдейское купечество. Купцы-торговцы вкладывали в текстильное производство свои капиталы и превращались в купцов-промышленников, закладывая тем самым династичное дело на длительное время [5, с. 19-20].

Типичным примером купца-промышленника стал потомственный почетный гражданин и покровский купец 1-й гильдии Савва Васильевич Морозов. Историю развития его деловой торгово-промышленной организации всесторонне изучила И.В. Поткина, провела комплексное социально-экономическое исследование Никольской мануфактуры Морозовых, представив ее как российскую модель интегрированного предприятия [8].

Основав капиталистическое производство – текстильную фабрику, гильдейский купец вынужден был лично и через управляющего заниматься вопросами найма рабочей силы, установления условий труда и оплаты, контроля производственной дисциплины, разрешения возникающих споров.

Реконструировать картину отношений владельца текстильной фабрики с работниками позволяют архивные документы Владимирского губернского правления [3; 4]. Их анализ позволяет воспроизвести

реалии трудовых отношений и выявить проблемы источников рабочей силы, характерные для исследуемого периода.

В местечке Никольском на фабрике, принадлежавшей купцу С. В. Морозову, в конце 50-х годов XIX века между владельцем и рабочими возникла конфликтная ситуация. Более 20 рабочих в течение весны-лета 1860 года потребовали расчета от фабричной конторы в лице директора («великобританского подданного Ивана Карлова»), получили жесткий отказ. За помощью обиженные работники обратились с жалобами к властям Покровского уезда.

Административную власть в Покровском уезде в 1860–1862 годах осуществлял Покровский земский суд, который избирался из местных дворян на 3 года. В состав земского суда входили председатель – земский исправник, старший непременный заседатель из дворян и 2-3 земских заседателя от дворян.

В жалобах, обращенных в Покровский земский суд, были описаны причины досрочного увольнения рабочих и реакция фабричной конторы.

Андрей Игнатьев, крестьянин Клинского уезда, *Роман Никитин*, крестьянин Юрьевского уезда – получили со своей родины известия, что вотчинное начальство требует вернуться до окончания срока паспортов.

Крестьянина *Петра Иванова* помещик затребовал на родину. *Павел Ефимов*, *Осип Семенов* просто не желали больше работать. Унтер-

офицер *Никита Фёдоров* заболел и вместе с женой не желал более работать. *Агафья Терентьева* нанималась на столько времени, сколько позволят обстоятельства, а более не может.

Арсения Фокиан, крестьянина Смоленской губернии государственной деревни *Окулова* не устраивала зарплата, т.к. получал 6 руб. 25 коп. в месяц, но после всех вычетов за харчи и прочее оставалось только 2 руб.

Крестьянин Московской губернии Бронницкого уезда *Николай Тимофеев* устраивался на фабрику в конце мая, но посчитал через полтора месяца, что зарплата в 6 руб. 50 коп. ему не выгодна, и попросил расчет. Но директор заставил его работать.

К рабочему из крестьян *Петру Сергееву* на фабрику пришла мать и сообщила, что умер отец, и в семье он остался единственным мужчиной. Так как нужно и свои, и барские луга убирать *Сергеев* запросил расчет и собрался домой. Однако директор на просьбу о расчете дал ему пощечину и вытолкал из конторы.

Крестьянский мальчик из Московского уезда *Иван Степанов* заболел, смену на ногах стоять не мог и попросил у директора легкую работу, но тот сильно бил его по голове, не поверив в болезнь.

Крестьянин Егорьевского уезда *Дмитрий Феофанов* нанимался на фабрику с условием – до срока окончания паспорта. В июне 1860 года срок паспорта истек, да и помещик затребовал его возвращение

с оброком 12 руб. *Дмитрий* обратился к директору, объяснил ситуацию, мол, жить без паспорта нельзя, а, чтобы помещик выправил новый, надо отправить деньги, которых у *Дмитрия* нет. Но директор его выгнал из конторы.

Афанасий Яковлев, крестьянин Егорьевского уезда, 4 года работал на фабрике *Морозова* прядильщиком, получил требование от помещика к 22 июля выслать оброк за полгода и пошел в контору просить, чтобы ему к 20 июля выдали деньги за сдельную работу. От директора «великобританскоподданного *Ивана Карлова*» получил отказ, поэтому и обратился в суд.

Егор Иванов, крестьянин Тверской губернии, 17 лет, поступил 18 апреля 1860 года вместе с братом *Якимом Ивановым*, 14 лет, на бумагопрядильную фабрику *С.Т. Морозова* в присучальщики. У него паспорт на полгода, а у брата билет на 2 месяца. Платить помещику оброку в год они должны 25 руб. серебром, и уже к 29 июня надо было ему послать четвертую часть – 6 руб. 25 коп. А у них в апреле 1860 года заработок 2 руб. 15 коп., в мае – 4 руб. 24 коп., в июне за вычетом 48 коп. за баню – 4 руб. 84 коп., за харчи ему причиталось 1 руб. 7 коп., но июньский заработок ему в книжке не выставили.

Егор, озабочаясь тем, с каких денег он будет платить помещику 25 руб. серебром, обратился к директору фабрики дать расчет и паспорт, но получил отказ. Не желая работать до 1 октября, *Егор* и обратился в Покровский земский суд.

Причем, он указывал, что, если контора заплатит за него с братом помещику оброк 6 руб. 25 коп., то он обязуется беспрекословно отработать все на заведении Морозова. Суд через пристава 1 стана 4 июля 1860 года истребовал от фабричной конторы паспорта братьев.

Крестьянин Зарайского уезда *Василий Сачков* в апреле 1860 года получил от волостного правления 2-хмесячный билет, нанялся на самоткацкую фабрику Морозовых. Когда же закончился срок билета, директор не дал ему деньги и расчет, а заставил работать дальше. Однако Василий ослушался, в конце июля уехал на родину, где у отца своего пытался испросить новый письменный вид, но тот не дал. В августе Василий возвратился на фабрику за денежным расчетом. Однако директор ему объявил, что из 6 руб. 50 коп. будет вычет за харчи и штраф, да еще приказал отобрать у него нанковую поддевку, ситцевую рубаху и кожаные сапоги. Покровский земский суд предписал рассчитать Василия и вещи ему вернуть.

Карп Михайлов, крестьянин Серпуховского уезда, 14 лет, получил от управляющего именем свидетельство на проживание в Богородском уезде, нанялся на бумагопрядильную фабрику в Богородске, но она сгорела. Карп в конце апреля с этим свидетельством пришел к Морозовым и нанялся в присучальщики за 5 руб. серебром, но решил искать другого места. Получил от директора отказ в расчете и на целый день посажен был под арест в

сторожку. Михайлов также обратился в земский суд.

Анализ жалоб фабричных работников позволяет выявить ряд общих причин, толкавших их к увольнению. Первая и основная причина заключается в социальном статусе наемных рабочих – 9 из упомянутых работников крепостные крестьяне, поэтому ведущий мотив их трудоустройства – необходимость уплаты денежного оброка, первичное условие – срок действия паспорта, решающее значение – воля помещика. Вторая причина – низкая оплата труда и штрафы, а третья причина – тяжелые условия труда. Отягчающим обстоятельством был произвол фабричной администрации в отношении рабочих, рукоприкладство, обман, жестокие наказания.

Жалобы всех рабочих были приняты Покровским земским исправником, полностью удовлетворены судом. Фабричная контора получала постоянные предписания рассчитать нежелающих работать и вернуть им документы.

С.В. Морозов 28 сентября 1860 года написал прошение Владимирскому губернатору, действительному статскому советнику Е.С. Тиличеву, в котором объяснил действия конторы и высказал обиды на отношении покровских властей [2].

Хозяин объяснял действия директора тем, что для каждого этапа технологического процесса на фабрике предназначено определенное количество рабочих, и, если их отпустить – значит подвергнуться

убыткам (часть остановлена – останавливается вся фабрика).

В прошении Морозов указывал, что нанимаются рабочие строго с Пасхи до 1 октября и с 1 октября до Пасхи «безсходно» (т. е. без отлучек). Это было важнейшей частью договора владельца фабрики с ними. Кроме того, все правила, регулирующие отношения между фабричным начальством и наемными работниками вывешены во многих местах фабрики и записаны в трудовых книжках [2].

Кроме того, Савва Васильевич ссылаясь на Устав промышленности заводской и фабричной, который не допускал самовольное оставление рабочими фабрики без согласия хозяина и требование надбавки жалованья.

Особую обиду Морозов высказывал в адрес покровской земской полиции и ставил ей в вину то, что поощряла прогулы рабочих (они уходили самовольно с фабрики, чтобы обратиться с жалобой в земский суд, находившийся в г. Покров за 18 верст от м. Никольское), и что действовала «без всяких законных оснований и причин с явным уничтожением прав фабриканта» [2]. «Покорнейше прошу силою власти меня от этого оградить...» – писал фабрикант.

10 октября 1860 года Владимирское губернское правление направило в Покровский земский суд требование взять с С.В. Морозова объяснение по жалобам рабочих. 1 декабря того же года старший непрременный заседатель Покровского земского суда губернский секретарь

Лев Васильевич Цветаев направил владимирскому губернатору пояснение по поводу прошения С.В. Морозова, в котором сообщал, что сам неоднократно бывал на фабрике, ни разу самого С.В. Морозова не застал, но указал, что его фабрикой управляет английский подданный.

Цветаев подтвердил, что установлен был срок найма с Пасхи до 1 октября, однако он должен действовать только при найме тех рабочих, срок действия паспортов которых позволяет. Морозов же нарушал закон и брал рабочих «с коротким видом». Л.В. Цветаев выявил, что в книжках, выдаваемых безграмотным рабочим, нередко срок найма и условия не проставлялись, поэтому контора при их расчете с фабрики творила произвол – не выплачивала обговоренную при найме сумму. Зато в расчетных книгах указывались огромные штрафы, порой, безосновательно.

«Допустить беззаконного произвола в расчете рабочих земская полиция не может и «право сильного фабриканта» не должно нарушать «прав бедных рабочих», притесняемых или незаконно удерживаемых на фабрике», – написал в заключении покровский чиновник [2].

От Морозова он потребовал объяснений по выявленным нарушениям, но не получил. Ответчик умер 15 декабря 1860 года в возрасте 90 лет, и его дело продолжили сыновья Тимофей и Иван Морозовы.

18 января 1861 года во Владимирское губернское правление поступил рапорт из Покровского земского суда с перечнем обращений

рабочих и результатами их рассмотрения. Решения земский суд вынес исключительно в пользу рабочих. Но дирекция фабрики продолжала отстаивать свою правоту.

И началась настоящая «битва прошений и объяснений», длившаяся почти 10 лет. Покровские уездные власти настаивали на законности и обоснованности своего решения. Савва Васильевич, а после его смерти сын Илья и Тимофей Морозовы добивались отмены решений уездных властей и наказания уездной полиции.

«Третьей судей» выступило Владимирское губернское правление, куда все заинтересованные стороны направляли обращения. В 1863-1864 годы из Владимира разобратся на месте направили чиновников особых поручений Н.С. Знаменского и Г.В. Орлова. В 1869 году уже болеющий Л.В. Цветаев все еще писал ответы на запросы губернского правления по данной проблеме.

В своем споре обе стороны апеллировали к российскому законодательству. Так, Устав о промышленности фабричной и заводской включал статьи о правах и обязанностях частных лиц по содержанию принадлежащих им мануфактур, фабрик и заводов, статьи «о людях вольнонаемных» [10].

По закону наем вольных людей на фабрику осуществлялся на добровольных условиях. Лица податного сословия должны были иметь паспорт или установленный билет, который позволял им наниматься для фабричных работ, но только на срок действия паспорта.

Хозяин сам решал, заключать с работником письменный договор или оформлять расчетный лист, в котором фиксировались условия найма и размер сдельной месячной или поденной платы. В расчетные листы вносились каждая выдача денег, взыскания за прогул или причинение вреда хозяину.

Устав содержал и пункт о правилах внутреннего распорядка фабрики: они должны быть вывешены на стенах рабочих комнат или в конторе фабрики, в печатном или написанном от руки виде, но обязательно за подписью хозяина. Для неграмотных крестьян правила и расчетные листы были несущественны, более сильным аргументом оставалась устная договоренность, чем пользовалась администрация.

Наемный работник до истечения срока найма не имел права прекратить работу и покинуть фабрику без разрешения владельца и не имел права требовать повышения оплаты труда. Хозяин же мог отпустить работника раньше срока, только если работник не выполняет своих обязанностей или дурно ведет себя. При этом хозяин обязан предупредить работника об увольнении за 2 недели и выдать ему за период работы полный расчет.

Савва Васильевич в своем прошении ссылался на положение статьи 103 Устава. Данная статья говорила не только о запрете наемным работникам самовольно досрочно уходить с фабрики, но и о том, что владельцы или начальства, выдавшие паспорта или биле-

ты крестьянам, «не имеют право отзывать обратно или требовать с фабрики или заведения подрядившегося работника, до истечения назначенного в паспорте срока, или до окончания договорного срока, если оный истекает прежде паспортного, кроме прикосновенности их по делам следственным или уголовным, и законных распоряжений, в случае, если назначен был рекрутский набор в необыкновенное время» [11].

В сложившейся ситуации налицо конкуренция «молодого предпринимательского класса» и помещиков за рабочие руки, которые де-юре и де-факто принадлежали дворянам, но без которых невозможно промышленное производство. Морозовы предъявляли претензии к владельцам крестьян, которые безосновательно требовали их возвращения домой. А установление жестких мер поддержания трудовой дисциплины было обеспечением стабильности работы предприятия. Ради производственной необходимости фабриканты шли и на наем лиц с просроченными паспортами.

Коллизия заключалась в том, что помещики реально нарушали Устав о промышленности фабричной и заводской, что подтверждалось сведениями от самих рабочих, желающих получить расчет. Почему же Покровский земский суд занял по отношению к Морозовым такую непримиримую позицию, полностью удовлетворив все жалобы рабочих?

Одним из факторов, повлиявших на исход конфликта хозяина и

рабочих, стала продворянская позиция покровских властей, антипатия к фабричному производству. Общественное мнение в первой половине XIX века было настроено негативно и к фабрике, и к условиям фабричного быта, и к росту численности рабочих.

М.И. Туган-Барановский в своем известном исследовании цитирует министра финансов Е.Ф. Канкринна: «Несмотря на необходимость в предпринимателях, чтобы дать ход делам общественным, они все же могут считаться угнетателями работников, которых принуждают трудиться в свою пользу...» и далее «фабричное производство порождает в низшем классе безнравственность, унижение, тупость, бунты, домогательство высшей платы» [9, с. 232].

В позиции Е.Ф. Канкринна нашли отражение господствовавшие в николаевскую эпоху взгляды просвещенного (образованного) русского общества на развитие фабричного производства и положение рабочих. Они формировались в полемике между сторонниками правительственного протекционизма в отношении промышленного производства и его противниками – защитниками земледельческого характера экономики России.

Под воздействием статей и материалов, публикуемых в сборнике «Дух журналов» в начале XIX века, у значительной части общества складывалось устойчивое мнение о нежелательности промышленности вообще и идеальное представление о положении русского мужика в от-

личие от фабричного. В одной из них говорилось: «Зайди в избу мужика: тепло, обуто, одето, хотя и в лаптях. Посмотрите же на фабричного: бледно, бедно, босо, наго, холодно и голодно...» [9, с. 215].

Экономист Шторх, который преподавал политическую экономию великим князьям Константину и Николаю Павловичам, убеждал их в преимуществах земледелия перед фабричной промышленностью, предупреждал против всякого ускорения промышленного развития страны [9, с. 213].

Профессор Якоб в своей статье на заданную Вольным экономическим обществом тему доказывал, что «Россия – страна непромышленная, и нечего стремиться ускорять развитие в ней фабричной промышленности».

Во второй четверти XIX века вопрос о пользе фабрик вышел на новый уровень: тариф 1822 года дал мощный толчок развитию текстильной (хлопчатобумажной) промышленности. Фабричный вопрос нашел громкий отклик на страницах журналов «Библиотека для чтения», «Москвитянин». Фабрики обсуждаются славянофилами (в городах для производства предметов роскоши должны быть крупные фабрики, устроенные по патриархальному, но на селе – только кустарная промышленность!). Кустарная промышленность превозносилась и в трудах отечественных экономистов того времени И. Горлова, Л. Тенгоборского.

Правительственной же бюрократией «фабрика признавалась

опасным продуктом с «высшей» политической точки зрения. Для бюрократии того времени деревенский кустарь был несравненно симпатичнее, чем «развращенный» фабричный пролетарий» [9, с. 233].

Тем не менее в 1835 году было утверждено Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму. Его статьи вошли в Устав о промышленности фабричной и заводской. Так государство выполняло свою социально-регулирующую роль с целью поощрения промышленности и поддержания стабильности в обществе [11].

Необходимо отметить, что вмешательство государства тоже было инициировано жалобами самих фабрикантов. Еще во время Санкт-Петербургской мануфактурной выставки в 1829 году московские и владимирские фабриканты обращались с жалобой по этому поводу к министру финансов. Правительство не могло пойти на удовлетворение таких жалоб, так как не могло ограничивать власть помещика. Фабриканты продолжали жаловаться на самовольные отлучки рабочих. Из сообщения московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына от 1832 года видно, что на московских фабриках как хозяева, так и рабочие «подавали беспрестанные жалобы друг на друга местному начальству» [9, с. 132].

Жалобы участились к концу 40-х годов. Московский генерал-губернатор князь А.Г. Щербатов в 1847 году составил проект расчетной тетради

по найму рабочих и письменного договора между хозяином и рабочим. Однако наступил 1848 год – правительство побоялось даже обсуждать эти вопросы.

В 1849 году московский генерал-губернатор Закревский выработал новый проект для фабричных рабочих, но проект был отвергнут мануфактурным советом. Закревский собственной властью установил для рабочих в Москве правила и образец расчетной тетради. Правила были суровыми: рабочие в праздничные дни не должны покидать свои квартиры позже определенного часа, не могут принимать у себя родственников и знакомых, не должны курить, заводить кулачные бои, азартные игры, браниться, а по воскресеньям и праздничным дням рабочие должны ходить в церковь... Хозяева: нанимать рабочих только по паспортам, платить только деньгами, отпускать свежие харчи, не давать аванс более 10 руб. серебром, выдавать расчетные тетради установленного образца, в которых были напечатаны правила... [9, с. 140-141].

Эти правила также подверглись переработке мануфактурным советом и были представлены в министерство финансов, откуда в 1854 году поданы на рассмотрение Государственного совета. Но ввиду военного времени утверждены не были. Трудовые отношения оставались неурегулированными государством.

В описанном выше контексте жалоба С.В. Морозова владимирскому губернатору Е.С. Тиличеву

выглядит как типичная. В реальности рабочие не осознавали своей ответственности перед фабрикантом и в то же время действительно были накрепко юридически привязаны к помещику. Местная уездная власть защищала прежде всего права помещиков – дворян, не замечая их противоправные поступки, а фабрикантов жестко критиковали, условия найма и сложившиеся отношения между владельцами фабрик и рабочими считали произволом, ведущим к разорению рабочего народа и к явным выгодам хозяина [4].

Стремясь защитить свое дело от разорения, фабриканты выдвигали покровской уездной администрации встречные претензии в том, что она не предпринимает никаких действий для наведения порядка на фабриках в уезде, указывали владимирскому губернатору на то, что местная власть поощряет жалобщиков, которые, оставив фабрику, вели праздную жизнь и жили подаянием. Взаимные претензии между Торговым домом Морозовых и Покровской уездной администрацией только усугубляли ситуацию на их фабриках [4].

Таким образом, в 50-х – начале 60-х годов XIX века процессы раннеиндустриальной модернизации обусловили наиболее оптимальные (и единственно возможные) способы комплектования рабочей силы в промышленности: рынок наемной рабочей силы формировался из податного населения – в основном, из крепостных крестьян-отходников и частично

из свободных мещан. Фабричному предпринимательству приходилось развиваться в условиях сословных, правовых ограничений и негативного общественного мнения по отношению к фабрике, что проявлялось в позиции местных властей в конфликте фабрикантов и наемных работников.

Главным мотивом социально-трудовых конфликтов была борьба

рабочих за улучшение материальных условий найма [1].

Государство постепенно закрепляло за собой право на вмешательство в трудовые отношения между рабочими и владельцами предприятий, но на повестке остро стоял вопрос о кардинальных мерах по обеспечению растущей российской промышленности свободным вольнонаемным трудом.

Список литературы

1. Арсентьев В.М. Модели производственно-отраслевой специализации и социальная организация промышленности России в первой половине XIX века (по материалам Среднего Поволжья): дисс... доктора ист. наук. Саранск. 2004. 11 с.
2. Валетов Т. Я. Мотивация труда на крупном текстильном предприятии в России в конце XIX - начале XX в.: на примере Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина в Серпухове: дисс... канд. ист. наук. М. 2005. 305 с.
3. Государственный архив Владимирской области, Фонд 40 Владимирское губернское правление. Оп. 1. Ед.хр. 16237 Дело по прошению Морозова Саввы о расчете его с рабочими фабрики местечка Никольского Покровского уезда с 15.09.1856 по 18.09.1861 г.
4. Государственный архив Владимирской области, Фонд 40 Владимирское губернское правление. Оп. 1. Ед.хр. 16744 Дело по прошению торгового дома «Савва Морозов с сыновьями» о разборе неправильных действий покровского уездного исправника Прокудина по отношению к торговому дому Морозовых. 1864г.
5. Егорова Г.С. Предпринимательская деятельность династий купцов-старообрядцев Владимирской губернии (вторая половина XVIII в. – 1917г): дисс...канд.ист.наук. Владимир. 2012. 209 с.
6. Муравьева Л.А. Социально-экономическое развитие России в первой половине XIX века // Финансы и кредит. 2010. № 32 (416). С. 74-82
7. Нечаев М.Г. В поисках истоков промышленной революции в России, или «фабричная лихорадка» первой половины XIX века. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. №4. С. 5-38

8. Поткина И. В. Никольская мануфактура Морозовых: Российская модель интегрированного предприятия, 1797 – 1917 гг.: дисс... доктора ист. наук. М. 2002. 405 с.
9. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика. М. ОГИЗ-СОЦЭК-ГИЗ, 1934. 436 с.
10. Устав о промышленности фабричной и заводской // Свод законов Российской империи, Т. 11, часть II, Уставы кредитный, торговый, о промышленности фабричной и заводской, Устав ремесленный. СПб. В Типографии Второго Отделения СЕИВК. 1857. С.11-85.
11. Феоктистова Е.В. Предпосылки правового регулирования трудовых отношений в текстильной промышленности России (XVIII – первая половина XIX в. // Труд и социальные отношения. 2009. №12. С.123-126.

MOROVA Olga V. – Candidate of Historical Sciences, the Associate Professor of the History and Humanities Chair, The State University of Humanities and Technology, Russia, Orekhovo-Zuyevo, email: umr@ggtu.ru

Keywords: textile industry, factory, hired workers, passports, payroll sheets, land court, social and labour conflicts.

THE TEXTILE INDUSTRY LABOUR MARKET FORMATION IN RUSSIA DURING THE 30S AND 60S OF THE XIX CENTURY: COLLISIONS AND PROBLEMS

Annotation

Using the example of the activity at S.V. Morozov's factory in the township of Nikolskoye (the Pokrov district, the Vladimir province), the article reveals the difficulties typical for the formation of a hired workforce labour market in the textile industry during the 30s and early 60s of the XIX century. The author uses archival documents to analyze the problems of relations between entrepreneurs, hired workers and local authorities. The research proves the fact that the textile industry labour market formation took place under economic, class and legal restrictions.

References

1. Arsentiev V.M. Models of industrial and industrial specialization and the social organization of industry in Russia in the first half of the XIX century (based on materials from the Middle Volga region): dissertation of the Doctor of Historical sciences. Saransk. 2004. 11 p.
2. Valetov T. Ya. Motivation of work at a large textile enterprise in Russia at the end of the XIX - beginning of the XX century: on the example of the N.N. Konshin Manufactory Association in Serpukhov: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. M. 2005. 305 p.
3. The State Archive of the Vladimir region, Fund 40 Vladimir provincial Government. Op. 1. Ed.hr. 16237 The case at the request of

Morozov Savva on his settlement with the workers of the factory of the town of Nikolsky Pokrovsky district, from 15.09.1856 to 18.09.1861.

4. The State Archive of the Vladimir region, Fund 40 Vladimir Provincial Board. Op. 1. Ed. hr. 16744 The case at the request of the trading house "Savva Morozov and sons" on the analysis of the improper actions of the Pokrovsky district police officer Prokudin in relation to the trading house of the Morozovs. 1864.

5. Egorova G.S. Entrepreneurial activity of the dynasties of merchants-Old Believers of the Vladimir province (the second half of the XVIII century – 1917): dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Vladimir. 2012. 209 s.

6. Muravyeva L.A. Socio-economic development of Russia in the first half of the XIX century // Finance and credit. 2010. No. 32(416). pp. 74-82

7. Nechaev M.G. In search of the origins of the industrial revolution in Russia, or the "factory fever" of the first half of the XIX century // Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law. 2016. No.4. pp. 5-38

8. Potkina I. V. Nikolskaya manufactory of the Morozovs: The Russian model of an integrated enterprise, 1797-1917: diss... Doctors of Historical Sciences. M. 2002. 405 s.

9. Tugan-Baranovsky M.I. Russian factory. M. OGIZ-SOTSEKGIZ, 1934. 436 p.

10. The Charter on factory and factory industry // Code of Laws of the Russian Empire, vol. 11, part II, Charters of credit, trade, on factory and factory industry, Craft Charter. SPb. In The Printing House Of The Second Department Of The SEIVK. 1857. Pp.11-85.

11. Feoktistova E.V. Prerequisites for the legal regulation of labor relations in the textile industry of Russia (XVIII – the first half of the XIX century // Labor and social relations. 2009. No. 12. pp. 123-126.